

ЭКОСИСТЕМА ИНДИЙСКИХ ГИМАЛАЕВ: ВЫЗОВЫ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И УРОКИ РУКОТВОРНЫХ КАТАСТРОФ ЧАСТЬ I

INDIAN HIMALAYAS ECOSYSTEM: TECHNOLOGICAL CIVILIZATION'S CHALLENGES AND LESSONS OF MAN-MADE CATASTROPHES PART I

© 2024 **Дмитрий Евгеньевич Челышев**

кандидат исторических наук, независимый исследователь,
Москва, Россия
de_chelyshev@list.ru
ORCID ID: 009-0000-3238-246x

Dmitry Ye. Chelyshev

PhD (History), independent research scholar, Moscow, Russia
de_chelyshev@list.ru
ORCID ID: 009-0000-3238-246x

Опираясь на выдержки из древнеиндийских священных текстов и обширный пласт более поздней религиозной философской и эпической литературы Индии, автор обосновывает тезис о том, что формировавшееся на их основе общественное сознание жителей страны было пронизано идеей обожествления природы и ее неразрывной связи с жизнью человека. Эти основополагающие принципы продемонстрировали необычайную стойкость к историческим переменам и воплотились в массовых природоохранных движениях, в фольклоре, обрядах и традициях, многие из которых живы и поныне. В основном, как утверждает автор, обожествление природы свойственно жителям сельских областей Индии, и, в особенности, этническим группам, населяющим предгималайские территории. Статья иллюстрируется авторскими фотографиями.

Ключевые слова: Индия, Ригведа, экология, Гималаи, Химачал-Прадеш, индуизм, чипко, Кедарнатх, Джошиматх

Для цитирования: Челышев Д. Е. Экосистема индийских Гималаев: вызовы техногенной цивилизации и уроки рукотворных катастроф. Часть I. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2024. № 1. С. 214–225. DOI 10.18254/S268684310030370-5

Basing on excerpts from ancient Indian sacred texts and vast scope of more recent religious and philosophical literature the author concludes that Indian public consciousness, formed on their ground, was permeated by the idea of nature deification and its inseverable relation to the life of a human being. These fundamental principles demonstrated extraordinary durability in the context of ongoing historical changes and found their embodiment in contemporary popular ecological movements, in folklore, rituals and customs. Deification of nature, as author asserts, is characteristic to predominantly rural population of India, and especially to ethnic groups which inhabit Himalayan regions of India. The article is supplemented by author's photos.

Keywords: India, Rigveda, ecology, Himalayas, Himachal-Pradesh, Hinduism, Chipko movement, Kedarnath, Joshimath

For citation. Chelyshev Dmitry Ye. Indian Himalayas Ecosystem: Technological Civilization's Challenges and Lessons of Man-made Catastrophes. Part I. *Oriental Courier*. 2024. No. 1. Pp. 214–225. DOI 10.18254/S268684310030370-5

Вопросы о роли и месте человека в окружающем его материальном мире, об отношении ко всему растительному и живому на земле — к рекам и природным ресурсам, к жизни в гармонии с природой, к неразрывной связи с ней и необходимости ее сохранения — находились в центре внимания далеких предков современных индийцев. По сути дела, за несколько тысячелетий до того, как немецкий естествоиспытатель и философ Э. Г. Геккель (1834–1919), как считается, ввел в научный обиход такое понятие как «экология», многие вопросы, которыми с тех пор занимается эта наука, находили свое простое, и, вместе с тем, очень убедительное толкование на мировоззренческом и понятийном уровнях в древнейших индусских религиозно-философских трактатах и мифологии — *ведах, упанишадах, брахманах, пуранах, сутрах*, а также в грандиозной эпической поэме «Махабхарата». Конечно, в них не было научных выкладок, доказательств, снимков из космоса и результатов лабораторных исследований, которыми оперирует экология. Важно другое — тексты, до сих пор считающиеся в Индии священными, объясняли,

почему человек ради собственного существования и блага должен бережно относиться к природе, содержали весомое морально-этическое обоснование понятия, которое в наше время называют «экологическим сознанием». Иными словами, все устно передаваемые от учителя к ученику священные откровения, записанные уже спустя много веков, были просты и понятны каждому.

Нельзя не обратить внимание на еще одну принципиально важную особенность древних памятников индийской культуры: заложенные в текстах основополагающие принципы отношения человека к природе кардинально отличаются от западного восприятия действительности. Европейская парадигма превозносила человека как способный мыслить и действовать венец творения, оправдывая его господство над окружающим миром и право изменять этот мир в соответствии с потребностями, тогда как в Индии человек всегда воспринимался как неотъемлемая часть всего, что его окружает, подчеркивалась и объяснялась его неразрывная связь со всем сущим.

ЗАВЕТЫ РИГВЕДЫ

Основа восприятия мира была заложена в Индии еще в глубокой древности, в сакральных текстах индуизма. Самые древние из них — ведийские тексты, или *веды*, не были написаны определенным автором: их содержание было постигнуто избранными *риши* в процессе мистического озарения, затем устно передавалось на протяжении многих веков от учителя к ученикам, и только спустя много веков было изложено в письменной форме. *Веды* определяли образ жизни людей, мотивировали их поведение по отношению к природе, которая обожествлялась и воспринималась как единое целое с человеком. Никаких документальных свидетельств об образе жизни людей тех лет не сохранилось, можно лишь предположить, что человек интуитивно ощущал в повседневной действительности неразрывную связь со всем сущим на земле, понимал, что только бережно и вдумчиво относясь ко всему, что его окружает, может обеспечить свое благополучие и просто выжить, что убедительно подкреплялось священными откровениями, испокон веков почитавшимися превыше всего.

Многочисленные наставления о том, как относиться к природе, встречаются в древнеиндийских священных текстах ведийского периода, начиная с самого древнего из дошедших до современности — гимнов Ригведы, создание которой ориентировочно датируется серединой 2-го тысячелетия до н. э. Как отмечает в комментариях к переводу Ригведы выдающийся советский востоковед Т. Я. Елизаренкова, «тексты вед передавались устно. До сих пор в Индии сохранились последователи живой традиции, брахманы, принадлежащие к определенным школам, и рецитирующие наизусть... свою веду» [Ригведа, 1989, с. 478].

Большинство исследователей сходятся во мнении, что ведийская литература включает в себя в классическом варианте 4 свода сакральных творений из 1028 гимнов, многие из которых так или иначе связаны с почитанием природы и ее обожествлением. Помимо Ригведы, которую

Елизаренкова вполне обоснованно считает «великим началом индийской литературы и культуры» [Ригведа, 1989, с. 426], они неизменно присутствуют и в других, более поздних источниках, в особенности в Атхарваведе, в собрании метрических заговоров и заклинаний, сложившихся несколько позднее — в 1-ом тысячелетии до н. э. в центральной части северной Индии.

От появления Ригведы нас отделяют многие тысячелетия, и поэтому некоторые из содержащихся в ней гимнов кажутся запутанными, туманными, а порой и вовсе не понятными. Очень многое из повседневных реалий и представлений о жизни людей тех далеких времен, их образ мышления, привычные предметы ритуала и обихода уже бесследно исчезли. И все же некоторые строки, в особенности наставляющие человека на бережное и рачительное отношение к природе, до сих пор вполне актуальны.

«Вы матери, называемые растениями!
Вот что, богини, я вам говорю,
Я хочу добыть коня, корову, одежду —
(И) твой жизненный дух, о, человек»
[Ригведа, 1999, т. 3, с. 248].

Смысл, заложенный в этом гимне, не нуждается в особом пояснении — бережное отношение к растительному миру, который ассоциируется с самым дорогим для человека — его матерью, считалось залогом благосостояния (корова в традиции вадизма и индуизма почиталась как священное животное, а конь был большой редкостью и ценился очень высоко. — *Д.Е.*), напрямую увязывалось с его благодеянием и душевным покоем.

Другой гимн Ригведы явно свидетельствует о том, что постигшие его откровения мудрецы молились не только о благосостоянии современников, но и заботились о грядущих поколениях, которым предстоит жить спустя много столетий на нашей планете.

«Радуйтесь, о два бога, растениям и водам,
... Оставляя многие сокровища у нас,

Вы оглядываетесь на следующие поколения»
[Ригведа, 1999, т. 2, с. 245].

Весьма убедительно звучит еще один гимн этого священного для всех индусов текста:

«Не вырывай с корнем дерево...
И пусть не (светит) солнце ни (одного) дня
Тому, кто берет птицу за горло!»
[Ригведа, 1999, т. 2, с. 146].

Во времена, когда рождались гимны Ригведы, само существование человека, его здоровье и благополучие полностью зависели от природы, от того, насколько бережно он относится к ней. Поэтому, не случайно во многих гимнах Ригведы подчеркивается польза лекарственных растений — они служили единственным способом врачевания.

«У кого сошлись растения,
Словно цари в собрании,
Тот, вдохновленный, называется целителем,
Убийцей ракшасов, изгоняющих болезнь!»
[Ригведа, 1999, т. 3, с. 248].

В том же разделе эта мысль акцентируется еще более:

«Растения, слетающие с неба вниз, заговорили!
Кого мы застали еще живым,
Тот человек не потерпит ущерба»
[Ригведа, 1999, т. 3, с. 299].

Подлинным апофеозом божественной природы звучит заключительная 12 книга Атхарваведы, которая так и называется «К Земле». Можно привести выдержки из некоторых гимнов, содержащихся в ней, которые говорят сами за себя и не нуждаются в особых комментариях:

«Эта Земля, наша мать...
Пусть холмы твои (и) горы, покрытые снегом,
Лесные заросли твои, о Земля, будут дружескими!»

На Земле, устойчивой Земле... стоял я
Не угнетенный, не убитый, не раненный»
[Атхарваведа, 2007, с. 169].

Поистине пророчески звучат и другие строки гимнов этого раздела священной книги:

«Что у тебя я выкапываю, о Земля,
Пусть оно быстро вырастет!
О очищающая, да не пораню я
Ни твое уязвимое место, ни твое сердце!»
«Пусть недра твои, без болезней...
Будут созданы для нас, о Земля!
Внимательные, всю нашу долгую жизнь
Пусть будем мы твоими данниками!»
[Атхарваведа, 2007, с. 172, 176].

ИММАНЕНТНАЯ ЭКОЛОГИЧНОСТЬ ИНДУИЗМА

Немало настоятельных призывов бережно относиться к окружающей среде можно обнаружить и в более поздней категории сакральных текстов, представляющих собой обширнейший свод эпической и мифологической литературы — *срити*, текстов, авторство которых приписывается определенному святому или отшельнику. Об этом повествуется в *упанишадах*, *брахманах*, *пуранах*, *сутрах*, «Махабхарате» и многих других сакральных и мифологических текстах. Эта тема фигурирует в священной для всех индусов «Бхагавадгите», которая хотя формально и относится к категории *срити*, являясь частью грандиозной эпической поэмы «Махабхарата», многими почитается как «пятая веда», или имеет статус *шрути*.

Индуизм и его предтеча — ведизм / брахманизм глубоко экологичны, они утверждают божественность и одухотворенность природы. На это указывает специалист в области охраны окружающей среды, выпускница Лондонской школы восточных и африканских исследований Вива Кермани: «индуизм по сути является глубоко экологичной религией... которая признает присутствие божественности во всей окружаю-

Илл. 1. Женщины собирают в лесах хвою и опавшие листья для домашнего очага¹

Fig. 1. Women collect in the forests pine needles and leaves for the hearth

щей природе. Земля же, согласно этой религии, выступает в образе нашей общей Матери, которая не терпит по отношению к себе никакого насилия» [Kermani, 2016].

Бережное отношение человека к животному и растительному миру расценивалось как священный долг — *дхарма*, составляющая основу существования. С *дхармой* непосредственно сопрягается и другое краеугольное положение религиозно-философской системы индуизма — кармический закон. Иными словами, исполняя свой долг, включающий в себя заботу обо всем, что его окружает, человек улучшает карму и обеспечивает себе последующее перерождение в благородных обликах, в существах высшего порядка. Соответственно, нанося ущерб природе, человек рискует воплотиться в будущих рождениях в презираемых животных — собаках, свиньях, в растениях и даже в камнях. Трудно представить себе более убедительную мотивацию, если принять во внимание, что индуизм на

Илл. 2. На крутых и опасных поворотах горных дорог местные жители сооружают обереги с символикой грозного божества Рудры-Шивы, хранителя и защитника путешественников

Fig. 2. On sharp and dangerous turns of mountain roads, local residents build original amulets with the symbols of the formidable deity Rudra-Shiva, guardian and protector of travelers

протяжении тысячелетий являлся не просто религией, а образом жизни.

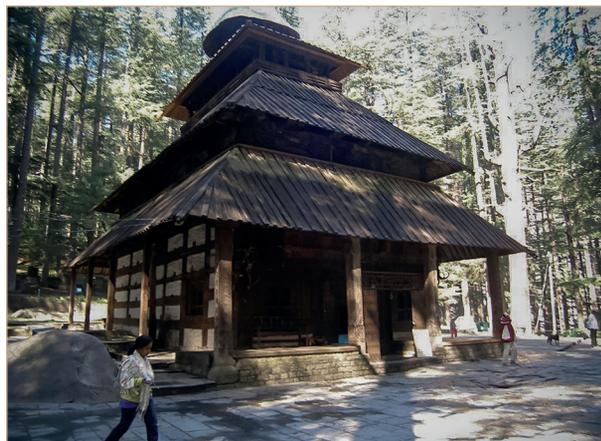
Неодушевленных предметов, с точки зрения индусов, в природе вообще не существует. Считается, что в каждом дереве, кусте, в скалах и камнях, в реках, озерах и горах присутствует живое начало, полностью идентичное заложенному в существах более высокой организации, только в менее проявленной форме.

Древние тексты не остались некими рукописями, пылящимися в архивах; содержащиеся в них истины вошли в плоть и кровь индийцев и сохранились на протяжении тысячелетий, органически вплетаясь в общественное сознание, слившись с легендами, мифами и сказаниями, оказывающими существенное влияние на традиции и верования жителей сельских областей Индии. Показателен пример религиозного мировоззрения горцев-*пахари*, на протяжении столетий служившего мощнейшим фактором, поддерживающим экосистему обширного региона (Илл. 1).

1 Здесь и далее все фотографии © Д. Е. Чельшев, 2024 г.
Hereafter all photos © by Dmitry Ye. Chelyshev, 2024.

Илл. 3. Небольшой курортный городок Манали в дистрикте Куллу штата Химачал-Прадеш
 Fig. 3. This is what the small resort town of Manali looks like today in the Kullu district of Himachal Pradesh

Илл. 4. Храм, посвященный богине Хадимбе, в курортном городке Манали. Здесь до сих пор совершаются обряды, в ходе которых в жертву приносится мелкий рогатый скот — козы и бараны
 Fig. 4. A temple dedicated to the goddess Hadimba in the resort town of Manali. Rituals are still performed here, during which small livestock — goats and rams — are sacrificed

Природопоклонники Гималаев — народ *пахари*

Обожествление природы с незапамятных времен принимало у местного населения разнообразие форм — от почитания духов леса, обитающих на деревьях, змееподобных мифических существ-хранителей озер и водоемов, фантастических созданий, населяющих наиболее опасные участки дорог до фетишизации горных вершин и долин, которые начиная со средних веков в представлении горцев ассоциировались с именами санскритических богов.

В специальных храмах поклоняются духам леса *дакинам*, согласно поверьям, обитающим на гималайских кедрах-*деодарах*, *йогиням* — феям леса и скал, главному божееству леса — *ван девате* и другим подобным мифическим полубожественным созданиям. Кроме того, этим мифическим существам принято воздавать почести на особой табуированной территории — *дехре*.

Местные жители свято верили, что большинство опасных переходов в Гималаях контроли-

руются грозным божеством Рудрой, позднее растворившимся в культе Шивы (Илл. 2). Колоссальной значимостью для *пахари* обладает и культ змей, или *нагов*. Сливаясь и переплетаясь друг с другом, эти два древних культа являют собой универсальную основу, на которой зиждется почитание любого местного божества.

Многочисленные божества горных просторов, пещер и перевалов, озер и лесов занимают в сознании *пахари* промежуточную ступень между небесным и земным. Эти мифические создания обладают человеческими качествами: они могут употреблять спиртные напитки, веселиться и танцевать, могут помочь в разрешении насущных проблем, а могут помешать или навредить. Эти политеистические представления не оставались неизменными. Начиная с раннего Средневековья они стали подвергаться все усиливающемуся влиянию религиозных представлений, характерных для долин Индостана, что положило начало длительному и постепенному процессу ассимиляции оригинальных верований *пахари* в общее русло большой санскритической тра-

Илл. 5. Вокруг храма растут исполинские гималайские кедры, возраст которых насчитывает сотни лет
Fig. 5. Around the temple there are many gigantic Himalayan cedars, which must be hundreds of years old

диции. Тем не менее многое говорит о том, что исподволь внедряемая брахманизация не смогла полностью вытеснить из сознания местных жителей исконную веру предков. Вместо этого сформировалась сложная и уникальная гималайская политеистическая система, которая и по сей день является неотъемлемой частью социокультурной жизни обитателей индийских Гималаев.

Жители каждой деревни или селения поклоняются божеству, которое может все разрешать, или, наоборот, запрещать в зависимости от обстоятельств: вырубку деревьев, сбор хвороста, целебных растений и цветов, ловлю рыбы или охоту. Считается также, что на протяжении многих столетий особые божества оберегают реликтовые гималайские леса. Так, местная богиня Хадимба хотя и прошла через горнило брахманизации, приобретя статус супруги легендарного героя Бхимы из древнего эпоса «Махабхарата», до сих пор считается владычицей уникального леса из исполинских гималайских кедров, находящегося неподалеку от курортного городка Манали в долине Куллу в штате Химачал-Прадеш (Илл. 3). Наступление коммерциализации, особенно заметное в последние десятилетия, превратило это некогда тихое и уютное место в пыльное и замусоренное столпотворение людей и автомобильного транспорта с разбитыми дорогами и лепящейся по фасадам домов яркой рекламой. И только владения Хадимбы, где до сих пор со-

вершаются кровавые жертвоприношения, остались в неприкосновенности. Вполне возможно, что это произошло благодаря благоговейному страху перед этим местом (Илл. 4, 5).

БОЖЕСТВЕННЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Обожествление деревьев, или дендролатрия получило необычайно широкое распространение в предгималайских регионах. Местные жители с большим почтением относятся к каждому дереву, но особым уважением пользуются старые, кряжистые деревья, нередко обретающие в глазах населения сакральный статус. Наивысшей ценностью обладает гималайский кедр, *деодар* (лат. *Cedrus deodara*). Эти исполины поражают размерами — они порой достигают более 80 м, а в обхвате — нередко более 8. Гималайский кедр обладает статусом священного дерева и почитается как символ благосостояния, ассоциируясь в религиозном сознании местных жителей с верховным божеством — Шивой.

Неподалеку от г. Шимлы, столицы штата Химачал-Прадеш, на склонах одного из холмов произрастает нетронутый цивилизацией реликтовый лес *деодаров*, который, как гласит древнее местное предание, принадлежит наиболее почитаемому в этой местности автохтонному божеству Махашу. Предания повествуют, что именно его «охранная грамота» уберегла вековые кедры

Илл. 6. Холмы в окрестностях Шимлы покрыты густым кедровым лесом
 Fig. 6. The hills around Shimla are covered with dense cedar forest

Илл. 7. Кедровый лес после дождя в местечке Налдхера в окрестностях Шимлы в штате Химачал-Прадеш
 Fig. 7. Cedar forest after rain in the town of Naldhera, outskirts of Shimla, Himachal Pradesh

от вырубки в колониальный период, хотя известно, что англичане, обустроивавшие в этих окрестностях летние резиденции, нуждались в качественной древесине, но пойти на очевидный конфликт с местным населением не решились. Сакральный запрет уберег уникальный природный памятник от уничтожения. Нынешние власти не считают себя связанными этим табу и смотрят на контрабандную заготовку ценных пород древесины сквозь пальцы (Илл. 6, 7).

Но гималайский кедр далеко не единственное дерево, обладающее в глазах *пахари* сакральным статусом. С большим почтением они относятся к гранатовому и манговому деревьям, к дереву *дах*, или «бобовому» и, конечно же, к небольшому по размеру дереву *тулси*. Многие индийцы, в том числе живущие в городских бунгало, высаживают *тулси* во дворе и тщательно за ним ухаживают, ежедневно отдавая ему почести и вознося молитвы. Почитание этого дерева является частью религиозного ритуала в честь бога Вишну — *бхутагхи*, призванного изгнать из дома злых духов. Большим уважением пользуется также *баньян*, которому женщины поклоняются как залого долголетия мужа.

Самое высокое и могучее дерево в лесу, растущее много столетий, приобретает в сознании

местного населения особый статус. Желая подчеркнуть его высочайший авторитет, его нарекают «материнским». Такого рода тотем посещают не только жители близлежащего селения: функция «оберега», охранителя распространяется на значительные территории.

Веря, что каждое дерево наделено душой, местные жители часто вступают с ним в своеобразный ритуальный диалог, сопровождающийся обрядовыми церемониями. Как правило, такие действия предшествуют вырубке деревьев, когда их дух вежливо просят перебраться в другое место, объясняя причину своих действий.

Почитание деревьев далеко не единственный завет предков, по сей день определяющих быт населения предгорий Гималаев. Мудрость Риг-веды и других сакральных текстов не канули в Лету, дав богатые всходы в многочисленных популярных фестивалях, основанных на почтительном отношении к природе.

Джуббад НА ТХОДА И ДРУГИЕ РИТУАЛЫ

Ритуалы почитания Матери Земли составляют неотъемлемую часть праздника *салахар*, обычно проходящего 15 апреля, в день празднования

нового года по бенгальским традициям — *бай-сакх*. В этот день храмовые служители отправляются на вершину близлежащей горы и готовят на костре рис, который подносят божествам, почитаемым скотоводческими племенами. По возвращении мужчин женщины отправляются в поля, где проводят ритуал, посвященный Матери Земле, в ходе которого используются сельскохозяйственные орудия — серпы, кирки, лопаты и обязательно корзины, которые кормилица-земля должна наполнить пшеницей и другими плодами [Bande, 2006, p. 135].

Похожий фестиваль *пхулаич* проводится в округе Киннаур. Весной природа в этих суровых краях оживает, и на склонах гор расцветает пестрый цветочный ковер. **Уставшие от зимних холодов и вынужденного сидения дома мужчины радостно отправляются в горы и возвращаются оттуда с охапками цветов.** Следует веселое и энергичное празднование, включающее танцы и представления, в которых цветы выступают в качестве символа обновления и начала новой жизни.

Еще один религиозный праздник — *тхода* непосредственно ассоциируется с гимнами Ригведы, предписывающими заботливо и почтительно относиться к растительному миру, к каждой травинке. Представление, проходящее под открытым небом в храмовом дворе, отличается необычайной яркостью и экспрессией, включает в себя энергичные пляски и соревнования по стрельбе из лука. *Пахари* уподобляют эту часть фестиваля острому перцу, придающему любимый индийцами пряный вкус пище. Но предваряет все действие вознесение почестей траве, в особенности священной лечебной — *джуббад*, которую ни в коем случае нельзя мять и портить [Bande, 2006, p. 138].

Перечень праздников и фестивалей можно продолжить — их у *пахари* великое множество. Помимо театрализованных представлений, древнее культурное и религиозное наследие с его бережным отношением к природе находит зримое воплощение в фольклоре — в песнях и легендах, которые передают их из поколения в поколение, в сказаниях и притчах.

К сожалению, современное развитие вносит в идиллическую картину поклонения природе жесткие корректировки. Традиционные представления местных жителей плохо вписываются в действительность, постоянно подвергаясь испытаниям со стороны наступающей цивилизации. Потребительский подход к природе проявляется все очевиднее, и провозглашаемая в древнем эпосе сакральность гималайских лесов перестала выступать препятствием на пути их бесконтрольной вырубке.

Нарушение экосистемы предгималайских регионов стало приводить к угрожающим последствиям еще в XIX в., в период британского господства. Видимо, осознавая, что анархия в этом вопросе может привести к необратимым климатическим изменениям на всем субконтиненте, англичане предприняли ряд мер, направленных на упорядочение процесса заготовки древесины. С этой целью был учрежден Департамент лесного хозяйства, в функции которого входил строгий учет и контроль за подведомственными лесными угодьями. Мера оказалась весьма эффективной, и стихийную вырубку лесов удалось приостановить.

Начатую англичанами политику попытались продолжить и после обретения независимости: зарекомендовавший себя с самой положительной стороны Департамент лесного хозяйства был сохранен. Но незапланированные рубки продолжаются и по сей день, причем виновны в них не местные жители, на долю которых приходится незначительный процент «потрав», а подрядчики, которые, пользуясь коррумпированностью чиновничьего аппарата, получают контракты на заготовку древесины, ценящейся в Индии необычайно высоко, поскольку лесов в стране уже почти не осталось.

Предпосылки и последствия обнимания деревьев

Местные жители, для которых леса испокон веков служили основным источником существования, всегда протестовали против их вырубки.

Одним из наиболее мощных и ярких по эмоциональной окрашенности протестов коренных жителей Уттаракханда против контрактной системы (проще говоря, получаемых за взятку разрешений на бесконтрольную вырубку леса), стало движение *чипко* (что дословно переводится с хинди как «обнимать», «прижиматься»), развернувшееся в деревне округа Чамоли штата Уттаракханд в 1973–1979 гг. У протестного движения есть предыстория, и возникло оно не на пустом месте.

Главным идейным и духовным вдохновителем движения стал **Сундерлал Бахугуна**, известный общественный деятель и активный поборник охраны окружающей среды, бросивший ради этого успешную политическую карьеру. В немалой степени его подвиг на это решение Виноба Бхаве², ближайший соратник М. К. Ганди, стремившийся воплотить многие идеи, озвученные «духовным отцом нации». Непосредственным эмоциональным поводом, побудившим Бахугуну включиться в защиту гималайских лесов, стал трагический эпизод, происшедший 30 мая 1930 г., когда толпа крестьян из деревень близ города Баракот собралась на берегу р. Ямуны, требуя от правителя княжества Тери разрешения бесплатно собирать в окрестных лесах хворост для очагов и беспрепятственно пасти скот. Махараджа посчитал выступление покушением на его собственность и приказал войскам разогнать бунтовщиков. **Солдаты открыли огонь, в результате чего 17 человек были застрелены, многие бросились в реку и пропали без вести.** Свыше 80 человек оказались в тюрьме.

Эти печальные события дали повод Сундерлалу Бахугуне объявить 30 мая Днем защиты лесов и призвать сторонников по гандистскому движению *сарводайя*³ присоединиться к нему. Параллельно в 1968 г. он издал книгу «Развитие горных регионов и лесозащитная политика», быстро завоевавшую массовую популярность и ставшую манифестом движения *чипко*, широко развернувшегося в 70-е годы [Bahuguna, 2021]. То были не просто слова. Вместе с соратниками по движению *сарводайя* он отправился в деревню Тилади, где в 1930 г. разыгралась трагедия, и, выступая перед жителями, настоятельно призвал их действовать активно, препятствуя бесконтрольной вырубке лесов. Выступление вызвало живой отклик. Популярный исполнитель Ганшьям Саилани, вдохновленный философией Бахугуны, даже сочинил песню, в которой впервые прозвучало слово *чипко*, с которым впоследствии стало ассоциироваться одноименное движение.

Местные жители, главным образом женщины, решили действовать — увидев лесорубов, они образовывали вокруг деревьев живое ограждение, сцепляясь руками, окружая и словно обнимая его, не позволяя свершиться непоправимому. В этом есть логика: именно на женскую долю выпадало бремя заботы о выживании семьи и ведении домашнего хозяйства, тогда как мужское население по традиции отправлялось на заработки в равнинные области. На земледеле рассчитывать не приходилось, так как возможности обработки земли в горах всегда были сильно ограничены. Оставался лишь лес,

- 2 Виноба Бхаве (1895–1982) — ученик и ближайший соратник М. К. Ганди, известный общественный и религиозный деятель, социальный реформатор. В начале 50-х гг. приступил к практической реализации программы общественного переустройства на гандистских принципах. Начатая им программа «бхудан», предполагавшая добровольный отказ землевладельцев от собственности в пользу деревенской общины на первых порах имела значительный успех — Винобе Бхаве удалось собрать 1.5 млн акров пожертвованной земли. Однако уже к середине 50-х гг. это утопическое движение пошло на спад и вскоре вовсе прекратилось.
- 3 *Сарводайя* — «всеобщий подъем» (санскр.). Принцип общественного переустройства и построения «общества всеобщего благоденствия», разработанный Ганди в начале XX в. Практическим содержанием эту идею наполнили ближайшие последователи и соратники «отца нации» — Виноба Бхаве и Джаяпракаш Нараян. Под их идейным руководством в 50–60 гг. прошлого века в Индии развернулось массовое движение, основанное на моралистических принципах прославления труда, равного распределения собственности, достижения самообеспеченности и индивидуальной свободы.

который мог хоть как-то прокормить и удовлетворить нужды местного населения.

Некоторые исследователи склонны увязывать пантеистическую отличительную черту верований предгималайских народов с таким модным понятием, как **эко-феминизм**. На самом деле, как справедливо отмечает Уша Банде, неразрывная связь женщин и природы в Индии «столь же стара, как и само по себе их существование на нашей планете» [Bande, 2006, p. 145]. Подкрепляя свою мысль, автор ссылается на Вирджинию Вульф, английскую писательницу и феминистку начала XX столетия, утверждавшую, что морально-этические ценности, которыми, как правило руководствуются женщины, часто разительно отличаются от ценностей представителей противоположного пола. На первый взгляд это умозаключение банально, но применительно к образу жизни *пахари* оно приобретает особый смысл.

О ЖЕНЩИНАХ И ДЕРЕВЬЯХ

С момента зарождения массового движения *чипко* его бессменно возглавляла Гаури Дэви из деревни Рени, женщина с сильным характером, на долю которой выпало немало жизненных трудностей и невзгод. Первое серьезное испытание активисткам пришлось выдержать спустя два года после начала кампании, когда местное правительство выдало разрешение на вырубку двух с половиной тысяч деревьев в округе Чамоли, неподалеку от деревни, где родилась Гаури Дэви. Энтузиастки пытались обжаловать это решение в установленном порядке, но правительственные чиновники проигнорировали их петицию, и 60 лесорубов направились в лес, где случилось то, что на долгие годы предопределило успех всего движения. Возник уникальный прецедент, вдохновивший на аналогичные действия многие сотни последователей: 27 женщин из деревни Рени отправились в лес и образовали вокруг каждого дерева живые кольца, закрывая их телами и не позволяя лесорубам приступить к работе. Столкнувшись с таким решительным от-

пором, подрядчики были вынуждены отступить и вырубка леса была приостановлена.

Популярное в народе движение *чипко* и успех, которым сопровождались отдельные мероприятия, побудили жителей Уттаракханда более активно включиться в борьбу за собственные жизненные интересы. Во многих регионах стали возникать организации и добровольные общества, ставившие перед собой сходные цели и задачи. Аналогичные протестные акции в защиту окружающей среды, зародившиеся в народе, прошли в том же году в деревне Мандал, в верховьях реки Алакнанды. На этот раз они были вызваны решением правительства штата о выделении значительных участков леса в ведение компании по изготовлению спортивного инвентаря. И опять, уже под руководством известного общественного деятеля Чанди Прасад Бхата, женщины вышли в лес, где стали закрывать деревья своими телами.

Оба случая имели большой общественный резонанс; так же стали действовать активистки движения в других областях Гарвала. Женщинам удалось успешно противостоять браконьерской вырубке леса в 1975 г. в Гопешваре, в 1978 г. в Долине цветов, а в 1980 — в местах Дангари и Пайтоли. В итоге практика предоставления контрактов на вырубку лесов на уровне штата была приостановлена, а в 1980 г. центральное правительство под руководством Индиры Ганди приняло закон о полном запрете на вырубку лесов в этом регионе, действовавший 15 лет.

Борьба за сохранение существующих лесных богатств стала дополняться работой по их восстановлению и приумножению. В том же дистрикте Чамоли, ставшем родиной знаменитого движения *чипко*, возникло еще одно массовое движение под названием *маити* (что в переводе буквально означает «материнский дом»), быстро ставшее популярным и охватившее свыше 900 деревень. Началось все с того, что девушки стали объединяться в группы, чтобы сажать деревья и ухаживать за ними. А поскольку такие лесопосадки разбивались возле родительских домов, это объясняет и название движения,

увязывающее в единое целое лес и материнский дом. Девушки же стали образно именоваться «дочерями Гималаев».

Необычайная жизнеспособность народного движения *маити* кроется, помимо прочего, в глубоком философском смысле, лежащем в его основе, — в настоящем воплощении принципа непрерывности развития и связи человека и окружающего мира. На практике все выглядит следующим образом: когда наступает пора замужества и одной из «дочерей Гималаев» предстоит перебраться в дом супруга, она торжественно вручает жениху саженец, и тот под звуки священных мантр, читаемых жрецом-брахманом, сажает его в «материнском лесу». Теперь уже ее родители и младшие сестры будут заботиться о молодом деревце, которое превращается в зримое воплощение их дочери, отделившейся от семьи и начавшей самостоятельную жизнь.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Деревенские организации и группы, деятельность которых так или иначе была связана с защитой леса, как правило, не получали официальной регистрации и не признавались на уровне органов управления. В итоге между волонтерами и представителями государственных служб стали возникать трения, подчас перераставшие в открытые стычки. Складывалась парадоксальная ситуация: защита экосистемы с низовых уровней оказывалась весьма действенной, но власти предпочитали идти по пути официальных запретов и создания механизмов для контроля их исполнения. При этом в природоохранной сфере запреты попросту излишни, — в сознании местных жителей укоренилась гораздо более эффективная система ценностей и предписаний, чем любые правительственные указы.

Итог неутешителен: практически все народные движения, ставящие целью защиту природы, так и не достигли ее, а процесс без-

думного и бесконтрольного вторжения в хрупкую уникальную экосистему предгималайских регионов лишь набирал обороты, что стало все чаще приводить к серьезным, подчас катастрофическим последствиям. Примеров рукотворных катастроф, случившихся в немалой степени благодаря этому варварству, и, вероятнее всего способных повторяться вновь, — немало. О том, к чему приводит на практике варварское вторжение человека в хрупкую экосистему Гималаев, пойдет речь во второй части данной статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Атхарваведа. Т. 2. Кн. VIII–XII. Пер. Т. Я. Елизаренковой, М.: Восточная литература, 2007. 293 с. [*Atharva Veda*. Vol. 2. Bks VIII–XII. Tr. by T. Ya. Elizarenkova. Moscow: Vostochnaya literatura, 2007. 293 p. (in Russian)].

Ригведа. Т. 1. Мандалы I–IV. Пер. Т. Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1989. 768 с. [*Rig Veda*. Vol. 1. *Mandalas I–IV*. Tr. by T. Ya. Elizarenkova. Moscow: Nauka, 1989. 768 p. (in Russian)].

Ригведа. Т. 2. Мандалы V–VIII. Пер. Т. Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1999. 755 с. [*Rig Veda*. Vol. 2. *Mandalas V–VIII*. Tr. by T. Ya. Elizarenkova. Moscow: Nauka, 1999. 755 p. (in Russian)].

Ригведа. Т. 3. Мандалы IX–X. Пер. Т. Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1999. 562 с. [*Rig Veda*. Vol. 3. *Mandalas IX–X*. Tr. by T. Ya. Elizarenkova. Moscow: Nauka, 1999. 562 p. (in Russian)].

Bahuguna P. Chipko: A Movement that Gave Forest Conservation a New Life. *Frontline*, August 21st, 2021. URL: <https://frontline.thehindu.com/environment/photo-essay-chipko-a-movement-that-gave-forest-conservation-a-new-life/article35831455.ece> (accessed 31.01.2024)

Bande U. *Folk Traditions and Ecology in Himachal Pradesh*. Delhi: Indus Publishing House, 2006. 175 p.

Kermani V. Hindu Roots of Modern “Ecology”. *Indiafacts*. 2016. URL: <https://indiafacts.org/hindu-roots-modern-ecology/> (accessed 31.01.2024).